

Жизнь и труды святого Ефрема Сирина

Святой Ефрем Сирин родился, вероятно, в первых годах четвертого столетия, в Низибии, главном городе северо-восточной части Месопотамии или в окрестностях его. Предки его, как сам он свидетельствует, были земледельцами и жили достаточно; родители занимались тем же. Более же всего предметом попечительности родителей преподобного было воспитание сына в христианских добродетелях, а особенно в страхе Божиим. Сам преподобный Ефрем говорит о годах своей юности: «Я был уже причастником благодати – от отцов получил наставление о Христе. Родившие меня по плоти внушили мне страх Господень. Видел я соседей, живущих в благочестии, слышал о многих, пострадавших за Христа; отцы при мне исповедали Его пред судиею, я родственник мученикам».

Еще в первые годы жизни Ефрема Бог показал будущее величие дитяти в знаменательном видении, или сне, вследствие которого, может быть, он и назван Ефремом, то есть плодоносным. Было открыто, что на языке дитяти выросло виноградное дерево, которое так наконец разрослось, что ветвями своими покрыло всю землю, и так было плодоносно, что чем более птицы питались плодами его, тем более умножались плоды.

Но лета юности не прошли для Ефрема без некоторых преткновений. От природы пламенный, он был раздражителен, а в юной плоти по временам возбуждались нечистые пожелания. В таких чертах представлял впоследствии сам Ефрем первые годы своей юности, хотя, без сомнения, в его изображении нельзя не заметить того глубокого смирения, которое составляло отличительную черту его характера в иночестве. «Еще в молодых годах, – говорит он в своей “Исповеди”, – произнес я обет; однако ж в краткие сии годы был я злоязычен, бил, ссорил других, препирался с соседями, завиствовал, к странному был бесчеловечен, с друзьями жесток, с бедными груб, за маловажные дела входил в ссоры, поступал безрассудно, предавался худым замыслам и блудным мыслям, даже и не во время плотского возбуждения». А пытливость молодого, еще незрелого ума, усиливающегося постигнуть то, что выше сил его, или легкомыслие вовлекли его в некоторые сомнения относительно Промысла Божия. «В юности, – говорит он, – когда жил я еще в миру, напал на меня враг; и в это время юность моя едва не уверила меня, что совершающееся с нами в жизни случайно. Как корабль без руля, хотя кормчий и стоит на корме, идет назад или вовсе не трогается с места, а иногда и опрокидывается, если не придет ему на помощь или Ангел, или человек; так было и со мною».

Но Промысл Божий не оставил без вразумления колеблющегося юношу, и следующие события, рассказанные самим Ефремом с глубоким сокрушением, служили для него вразумительным уроком о Промысле и переходом к новому образу жизни. Однажды по приказанию родителей отправившись за город, Ефрем запоздал и остановился ночевать в лесу вместе с пастухом овец. Ночью напали на стадо волки и растерзали овец. Когда пастух объявил о том хозяевам стада, те не поверили и обвинили Ефрема в том, будто он подвел воров, которые расхитили овец. Ефрем был представлен судье.

«Я оправдывался, – говорит он, – сказывая, как было дело. Вслед за мною приведен некто, пойманный в прелюбодеянии с одною женщиною, которая убежала и скрылась. Судья, отложив исследование дела, обоих нас вместе отослал в тюрьму. В заключении нашли мы

одного земледельца, приведенного туда за убийство. Но и приведенный со мною не был прелюбодеем, и земледелец – убийцею, равно как и я – хищником овец. Между тем взяты под сохранение по делу земледельца – мертвое тело, по моему делу – пастух и по делу прелюбодея – муж виновной женщины; почему и их стерегли в другом доме.

Проведя там семь дней, в восьмой вижу во сне, что кто-то говорит мне: “Будь благочестив, и уразумеешь Промысл; перебери в мыслях, о чем ты думал и что делал, и по себе дознаешь, что эти люди страдают не несправедливо; но не избегнут наказания и виновные”. Итак, пробудившись, стал я размышлять о видении и, отыскивая свой проступок, нашел, что, в другой раз быв в этом же селении, на поле, среди ночи, с злым намерением выгнал я из загона корову одного бедного странника. Она обессилела от холода и от того, что была непрадна: ее настиг там зверь и растерзал. Как скоро рассказал я заключенным со мною свой сон и вину, и они, возбужденные моим примером, начали сказывать – поселянин, что видел человека, тонувшего в реке, и хотя мог ему помочь, однако же не помог; а городской житель, что присоединился к обвинителям одной женщины, оклеветанной в прелюбодеянии. “И это, – говорил он, – была вдова; братья ее, взведя на нее вину сию, лишили ее отцовского наследства, дав из него часть и мне, по условию”. При сих рассказах начал я приходить в сокрушение, потому что в этом было некоторое явное воздаяние. И если бы один я был, то сказал бы, может быть, что все это случилось со мною просто – по-человечески. Но мы трое постигнуты тою же участию. И вот есть некто четвертый, отмститель, который не в родстве с терпящими напрасную обиду и не знаком мне; потому что ни я, ни они никогда не видали его, – так как я описал им и вид явившегося мне.

Заснул в другой раз, – вижу, что тот же говорит мне: “Завтра увидите и тех, за кого терпите вы обиду, и освобождение от возведенной на вас клеветы”».

На другой день действительно представлены были градоначальнику вместе с Ефремом и другими товарищами его заключения еще пять человек, обвиняемых в разных преступлениях. Из них двое были братья оклеветанной вдовы, взятые в темницу за другие, действительно ими совершенные преступления; а трое остальных были невинны в том, за что были посажены в темницу, но, как сами открылись Ефрему, были виновны в лжесвидетельстве. Исследование о всех сих делах не могло быть скоро кончено. Между тем судья был назначен другой. Новый начальник был знаком с родителями Ефрема и с ним самим, но Ефрем не вдруг узнал его. Накануне того дня, когда всем заключенным надлежало предстать к нему на суд, Ефрем снова видел во сне говорящего: «В следующий день будешь ты освобожден, а прочие подпадут справедливому суду; будь же верующим и возвещай Промысл Божий». Действительно, на другой день судья рассмотрел дела обвиняемых; признал невинными посаженных в темницу по ошибке или злонамеренности и предал на съедение зверям уличенных или сознавшихся в злодеяниях.

«Судья, – говорит Ефрем, – велит также и меня вывести на середину. Хотя и сближала его со мною единоплеменность, однако же стал он осведомляться о деле по порядку и пытался выпросить у меня, как было дело об овцах. Я сказал правду, как все происходило. Узнав меня по голосу и по имени, а пастуха приказав высечь для показания истины, освободил он меня от обвинения, по прошествии без малого семидесяти дней. Знакомство же мое с

градона начальником происходило оттого, что родители мои жили за городом с воспитавшими сего человека; да и я по временам имел у него жительство.

После сего в ту же ночь вижу прежнего мужа, и он говорит мне: “Возвратись в место свое и покайся в неправде, убедившись, что есть Око, над всем назирающее”. И сделав мне сильные угрозы, он удалился; с тех пор доныне не видал я его».

Ефрем был верен наставлению явившегося. Еще в темнице дав обет посвятить всю свою жизнь покаянию, он вскоре оставил мир и удалился в окрестные горы к отшельникам. Между тем и в поздние годы не переставал каяться в грехе юности и просить у других молитв пред Господом о прощении.

Жизнь отшельническая рано стала известна между христианами низибийскими. В окрестных горах пещеры служили жилищем подвижникам; растения и плоды, свободно произрастаемые землею, доставляли им пищу; молитва и богомыслие, не прерываемые шумом и суетою мирскою, составляли им постоянное упражнение. Ученик преподобного Антония Аон, или Евгений, принес первый пример жизни отшельнической из пустынь египетских на крайние пределы империи Римской на востоке и вскоре нашел здесь многих себе подражателей. К числу их принадлежал и святитель Иаков, епископ Низибийский, столько же известный своими подвигами отшельническими и чудесами, сколько и ревностию в распространении и защищении правой веры христианской. Для утверждения христианства в Персии он отправлялся в сию смежную с Низибиею страну, а для ограждения православных от нечестивого учения ариан писал на него опровержения, на которые ссылался святитель Афанасий Александрийский. Преподобный Ефрем вскоре стал учеником святителя Иакова и строгим исполнителем правил жизни пустынноческой, с которыми святитель не разлучался и среди многолюдного города.

Несчастный случай заключения в темницу произвел большую перемену в Ефреме. Вместо пламенного, но гневливого, любознательного, но колеблемого сомнениями юноши Ефрем является смиренным и сокрушенным пустынником, день и ночь оплакивающим свои грехи и с благоговением поучающимся в законе Господнем. Пример святителя Иакова довершил духовное образование достойного ученика его. И уже в это время мы видим в Ефреме совершенную покорность путям Промысла и истинно подвижническую твердость в перенесении искушений.

В клире Церкви Низибийской был один человек, по имени также Ефрем. Опасаясь обличения преступной связи своей с дочерью одного из значительных граждан низибийских, он научил соучастницу в грехе, когда сделаются явными следы ее преступления, сложить вину на соименного ему Ефрема, ученика епископского, который за свое благочестие приобрел себе уже любовь и уважение других. Наученная девица так и поступила. Когда нельзя было ей более скрывать свой позор, она указала своим родителям как на виновника своего позора на преподобного Ефрема. Скоро молва об этом разнеслась по городу, и родители девицы вместе со многими другими обратились к епископу с обвинением на ученика его. Святой старец, убежденный в непритворном его благочестии, не хотел верить обвинению, не получив от самого Ефрема признания. Ефрем, уже наученный опытом не пререкать судьбам Промысла, наводящего искушения,

пал к ногам епископа и сокрушенным голосом сказал: «Действительно, отец мой, я согрешил!» Вскоре после того отец девицы принес к епископу младенца и в полном собрании клира отдал его Ефрему, сказав: «Вот твой сын, воспитывай его!» Как бы действительно виновный, он с горькими слезами взял младенца и пред лицом всех сказал: «Поистине, отцы мои, я согрешил!» Но Господь, испытав покорность и твердость Ефрема в перенесении искушения, дал ему и средства выйти из испытания со славою, достойною его смирения. Он внушил беспрекословному страдальцу, что его добродетель не должна остаться помраченною в глазах людей поношением порока, и Сам содействовал обличению виновного. В один раз, когда народ собрался в храм для богослужения, пришел и Ефрем с младенцем, и, испросив у епископа позволения взойти на амвон, поднял вверх младенца, и сказал ему: «Заклинаю тебя именем Господа нашего Иисуса Христа, открой истину, скажи: кто твой отец?» Младенец отвечал: «Ефрем – эконо церковный». Три раза сказав это, младенец умер. Тогда со слезами просили прощения у преподобного Ефрема все обвинявшие его, и с этого времени слава святости его еще более распространилась.

Святитель Иаков, более всех зная высокие достоинства своего ученика, брал его с собою на Первый Вселенский Никейский Собор (325 г.), которого богомудрое изложение веры суждено было защищать Ефрему против лжеучителей. Еще около двенадцати или тринадцати лет он пользовался наставлениями своего епископа. Под его руководством упражнясь в подвигах иноческих, строгим постом и молитвами очищая дух свой, он в то же время прилежно изучал слово Божие, приготовляемый и сам Духом Божиим на чреду высокого служения Церкви в качестве учителя. Как глубоко сознавал он сию связь между жизнью христианскою и знанием слова Божия, это изобразил он в одном из своих поучений. «Природа, – говорит он, – это земля, нами возделываемая; произволение – земледельец; а Божественные Писания – советники и учителя, научающие нашего земледельца, какие худые навыки ему искоренять и какие благие добродетели насаждать. Сколько бы ни был наш земледельец трезвен и ревностен, однако же без учения Божественных Писаний он и не силен и не сведущ; потому что законоположение Божественных Писаний дает ему разумение и силу, а вместе, от собственных ветвей своих и благие добродетели, чтобы привить их к дереву природы, веру к неверию, надежду к безнадежности, любовь к ненависти, знание к неведению, прилежание к нерадению, славу и похвалу к беславью, бессмертие к смертности, Божество к человечеству».

Преподобный Ефрем не прежде оставил своего наставника, как тот оставил мир. Последнее благодеяние пастыря Низибийского своему городу, оказанное во время нашествия царя персидского Сапора II, памятию народною равно приписывается и ученику святителя Иакова – Ефрему. Царь персидский, услышав о кончине императора Константина (337 г.) и рассчитывая на слабость преемников его, вздумал овладеть пограничным укрепленным городом – Низибией. Около двух месяцев продолжалась осада; жители начали терять надежду сохранить город. Святитель Иаков всех воодушевлял своими молитвами и распоряжениями. А ученик его Ефрем, взяв благословение у епископа, взшел на городскую стену и молитвою своею навел на войско персидское множество насекомых. В стане персидском все пришло в беспорядок. И животные и люди не знали, чем защищаться от мучительного действия многочисленных

врагов. Сапор принужден был немедленно снять осаду и без успеха возвратиться в свою землю.

После кончины святителя Иакова (338 г.) Ефрем посетил родину матери своей, город Амиду, находящийся также в Месопотамии, и по кратковременном пребывании здесь предпринял путешествие в Едессу. «Влекло его туда,— говорит святитель Григорий Нисский,— желание поклониться тамошней святыне, а прежде всего желание найти ученого мужа, от которого бы мог получить или ему сообщить плод ведения».

Город Едесса, славный в летописаниях христианства усердием своего владетеля Авгаря принять к себе Господа Иисуса Христа, гонимого от иудеев, имел что представить благочестивому и любознательному поклоннику. Там хранилось ответное послание Христа Спасителя к Авгарю. Оттуда сделался известным нерукотворенный образ Христов. Там погребен был сам благовестник, просветивший Авгаря верою,— апостол Фаддей. Христианская вера имела здесь своих последователей более, нежели во многих других городах империи Римской; и во время последнего гонения Диоклитианова в Едессе искали себе убежища христиане, преследуемые в прочих областях империи. К славе благочестия сего города принадлежит и то, что в окрестностях его процветала жизнь иноческая.

Едесса славилась между городами месопотамскими и своим просвещением. Не знаем, какого именно ученого мужа желал видеть здесь преподобный Ефрем и нашел ли его, но он мог встретить здесь людей знакомых и с Священным Писанием, и с разными науками. Около того времени, как пришел он в Едессу, отсюда выбыл некто Евсевий, славившийся своею образованностию и впоследствии возведенный на кафедру Емесскую. Он происходил от одного благородного семейства в Едессе; в молодых годах «по обычаю отечественному», как пишет Созомен, изучал Священные Писания, а после того и науки, преподаваемые у еллинов, посещая тамошних учителей. Преподобный Ефрем не имел желаний знакомиться с еллинскою языческою мудростию; но изучение слова Божия было постоянною целию его духовных занятий.

Приближаясь к городу, Ефрем просил Бога, чтобы Он послал ему навстречу человека, с которым бы он для пользы своей души мог побеседовать от Священного Писания. Но в городских воротах он встретил женщину, наружный вид которой достаточно обличал ее недобрую жизнь и зазорное поведение. Смущенный такою встречей, Ефрем помыслил, что Господь не внял его молению. Между тем женщина, шедшая навстречу, остановилась и пристально смотрела на него. Это заставило его обратиться к ней с такими укоризненными словами: «Зачем ты, забыв стыд, смотришь не в землю, как следовало бы стыдливой женщине?» Женщина отвечала, что она должна смотреть на него, потому что жена от мужа взята, а ему надлежало бы смотреть не на нее, а в землю, потому что он как муж от земли взят. Ефрем удивился ответу женщины и прославил Бога, Который устами грешной жены сделал ему наставление и вразумил, что не должно пренебрегать и грешниками.

Ефрем остановился в городе. Бедный странник вскоре должен был испытать неудобства своего положения среди разнородной толпы; но он умел извлекать из всего для себя

пользу и все обращать во благо других. Принужденный трудами рук своих снискивать себе пропитание, он не почел для себя унижением наняться в работники к содержателю бани. По соседству с домом, в котором он поселился, жила одна женщина бесчестного поведения, которая один раз вступила с Ефремом в непристойный разговор, желая склонить его ко греху. Суровые слова, сказанные им на первое покушение женщины, только усилили ее бесстыдную наглость. Но Ефрем, предложив совершить грех среди города на виду всех, тем самым искусно заставил ее высказать, что она стыдится людей, воспользовался ее ответом, чтобы обратить ее на путь добродетели, и сильными словами успел возбудить в ее сердце стыд и страх Божий. «Если мы, – сказал он, – стыдимся людей, то не более ли должны стыдиться и бояться Бога, Которому известны и сокровенные мысли людей и Который некогда придет судить всех и воздать каждому по делам?» Тронутая сими словами, женщина молила преподобного наставить ее на путь добродетели и по совету Ефрема удалилась в один из ближних монастырей. Так же действовал Ефрем и на других. В городе еще были язычники. Все свободное время после молитвы и занятий по должности он употреблял на беседы с язычниками, заботясь обратить их на путь спасения.

Среди таких трудов один раз встретил Ефрема какой-то благочестивый старец из соседнего с городом монастыря. Услышав беседу его с язычниками, инок удивился, найдя в таком месте и с такими людьми истинно христианского мудреца, и с некоторым огорчением спросил Ефрема: «Откуда ты, сын?» – как бы показывая, что ему надлежало бы быть не среди толпы порочных и неверных. Ефрем рассказал ему историю своей жизни. «Для чего же, – говорит ему инок, – будучи христианином, позволяешь себе оставаться в толпе язычников? Или ты намерен жить в мире?» Ефрем отвечал отрицательно, и инок предложил ему совет вступить в один из монастырей в окрестностях Едессы, под руководство какого-либо мудрого старца. Ефрем объявил, что жизнь иноческая есть единственное его желание, и последовал за иноком в гору, где обитали иноки.

Едесса так же, как и Низибия, имела своих великих подвижников, главное занятие которых состояло в молитвах, псалмопении и славословии Богу, которые не имели другого убежища, кроме пещер, не употребляли и обыкновенной пищи, а питались единственно растениями. С такими людьми скоро могла сблизиться душа пустыннолюбивого Ефрема. Он нашел себе друга в одном из подвижников – Иулиане, близком к нему и по келлии, а еще более по духу, столь же сокрушенному, как и у Ефрема, и столь же неослабному в подвигах. Умилительно благоговейное сокрушение, с которым читал слово Божие сей старец, обращенный с пути гибели благодатию Божиею. «Однажды, – говорит преподобный Ефрем, – пришедши к Иулиану, я увидел, что книги его не только мокры, но где встречаются слова *Бог, Господь, Иисус Христос* и *Спаситель*, там буквы почти изглажены. Я спросил его: “Кто так испортил книги?” – “Не скрою от тебя ничего, – отвечал Иулиан. – Когда грешная жена приблизилась к Спасителю, она омыла ноги Его своими слезами и власами главы своей отерла их; так и я, где нахожу написанным имя Бога моего, орошаю его слезами, чтобы получить от Него прощение грехов моих.” – “Бог благ и милосерд, – сказал я ему. – Он примет твое благое расположение, но, – прибавил я дружески, – прошу поберечь книги”».

Ефрем и сам в уединении пещеры не переставал заниматься словом Божиим, почерпая из него умиление и мудрость. Но сокровища его познания по большей части оставались сокрытыми от других, по смирению Ефрема. Вскоре тот же прозорливый старец, который привел Ефрема к инокам едесским, указал в нем богопросвещенного наставника. Старец поведал братии, что в одну ночь, выйдя из своей пещеры, он увидел лик Ангелов, блистающих небесным светом. Один из них держал в руках большую книгу, или свиток, снаружи и внутри исписанный, и, обратясь к другим, говорил: «Кому, думаете, я отдам эту книгу?» И когда одни указывали на Иулиана, вероятно, того подвижника месопотамского, который во время господства арианского был опорой православных в Антиохии, другие на других, Ангел сказал: «В настоящее время никто столько не достоин сей книги, как Ефрем Сирин», – и в то же время вложил в уста его таинственную книгу. Это видение, напоминающее собою в некоторых чертах видение, бывшее пророку Иезекиилю (Иез. 2, 9–3, 2), может быть, и дало Ефрему наименование «пророка Сирского». Оно вызвало Ефрема к трудам на пользу общую.

Ефрем начал писать толкование на Пятокнижие Моисеево. Уже написано было изъяснение на книгу Бытия, как посетил его тот же старец. Прочитав написанное и усмотрев в творении Ефрема обилие благодати Божией, излившейся на него, старец пришел в удивление и, вместе, уверился в истинности бывшего о нем видения. Взяв у Ефрема рукопись, старец показывал ее клиру едесскому и ученым лицам в городе. Все разделяли со старцем удивление в мудрости писателя и, почитая виновником сего труда самого старца, благодарили его. Старец принужден был объявить имя действительного писателя и, желая еще более уверить в справедливости своих слов, рассказал о видении, бывшем ему о Ефреме. Это привлекло общее внимание к иноку, дотоле неизвестному; начали посещать его.

Для смиренного инока тяжела была слава; любовь к уединению не могла примириться с многолюдством приходящих, и Ефрем решился оставить свою пещеру, скрыться на близлежавшей горе, в густом лесу. Но Богу не угодно было его бегство от народа, для которого он был нужен. На пути явился ему Ангел и сказал: «Смотри, чтоб к тебе нельзя было приложить сказанного в Писании: *Ефрем юница наученая, еже любити прение* (Ос. 10, 11). *Не вжигают светильника и поставляют его под спудом, но на свещнице* (Мф. 5, 15)». Покорный воле Божией, Ефрем не только возвратился в свое место, но и стал посещать город. Его духовная опытность и ревность о благочестии сделали его наставником иноков, а нужды Церкви – помощником пастырей едесских, особенно в борьбе с еретиками.

«Вера рождает добрую мысль; а добрая мысль – река воды живой. Кто приобрел ее, тот наполнится водами ее». Слова сии преподобного Ефрема справедливо могут быть приложены к нему самому. Душа его, напоенная живою водою слова Божия, изливалась неудержимым потоком умилительных наставлений. Согретые живым чувством, исходившие от полноты сердца, освященного благодатию Божиею, слова его были исполнены помазания духовного. Чудно плодились в устах его самые убедительные увещания, трогательные обличения самому себе и другим, мудрые правила и советы, и часто вдруг – неожиданным полетом – благоговейная мысль его возносилась к Богу, вечному, благому, чтоб исповедать славу Его любви беспредельной или просить у Него

прощения грехов. Примеры и изречения библейские, опыты из жизни подвижнической, притчи и сравнения из царства природы – все было готово и являлось само собою в его простых, безыскусственных беседах.

В кругу иноков Ефрем всего чаще беседовал об обязанностях иноческих. Для некоторых писал и особые наставления, давал ответы на предложенные вопросы, предлагал уроки и новоначальным инокам и настоятелям. Замечая ослабление правил строгой монашеской жизни, он старался восстановить прежнюю ее чистоту. Сам стоя на высоте совершенства духовного, он желал возвести и всех туда же. Так в одной беседе, говоренной, вероятно, в первые годы его пребывания между едесскими иноками, напоминая о бедствиях, постигших страну, как то: о землетрясениях и опустошении от персов, он призывал своих слушателей к исправлению и указывал им на высокие древние образцы. «Отцы наши, – с болезнью сердечною говорил он, – как светила осияли всю землю; по причине высокого и чистого жития их самые враги сделались их подражателями... Наше же учение, оставив прямые пути, идет по стремнинам и местам негладким. Ибо нет человека, который бы ради Бога оставил имение и для вечной жизни отрекся от мира. Нет ни кротких, ни смиренных, ни безмолвных. Никто не воздерживается от оскорбления, никто не терпит злословия... Земля, приходя часто в страх от лица Господня, колеблется под нами к устрашению нашему, а мы и этого не убоялись. Города поглощены и селения опустошены гневом Божиим, а мы и того не устрашились. Воздвигнуты брани персами и варварами, и опустошили нашу страну, чтоб мы, убоясь Бога, пришли в раскаяние; но и это нас не изменило...» С тою же целью, чтоб возбудить ревность к подражанию первым пустынножителям, он не раз изображал в беседах своих правила и образ жизни «отцев скончавшихся».

Не менее озабочивала Ефрема судьба Православия в Церкви Едесской, которая, по значению города и кафедры Едесской, могла иметь влияние и на всю Месопотамию. Тогда как в других странах пали или ослабили гностические лжеучения, обуревавшие Церковь во втором столетии, в Едессе еще держалась секта Вардесана, последователя Валентинова и Маркиона; потом лжеучение Манеса, распространившееся из Персии, также оставило свои следы в Месопотамии. В четвертом веке не только угрожала ей зараза общему болезнью времени – арианством, но и возникли в самой Месопотамии и отсюда распространились по другим странам заблуждения Аудия и мессалиян.

Вардесан, ученый едесский, живший при дворе владетеля озроенского Авгаря, сына Маанова (152–187 гг.), известен по своей борьбе против учения астрологов о влиянии планет на нравственное состояние людей и даже против Маркиона; но вместе с сим он и сам проповедовал учение о двух началах: о Боге непостижимом и о материи вечной, об исшедших от Божества зонах и их сочетаниях (????????), об устройении ими мира и человека и о пришедшем для искупления человека одном из эонов, Христе, в видимой, но не вещественной, а небесной плоти, и проч. Чтобы привлечь к себе народ, он излагал свое учение в поэтической форме; написанные увлекательным языком, по изобретенным самим Вардесаном размерам, песни его, равно как и песни сына его Гармония, получившего образование в Афинах, распространили его учение даже за пределы Месопотамии и надолго укоренили его заблуждения.

Для того чтобы рассеять заблуждение, довольно было противопоставить ему истину. Но для привлечения заблуждающихся к истине Ефрем видел нужду облечь ее в те же приятные формы, какими прикрывалось заблуждение. Поборнику истины нетрудно было усвоить простую метрику стиха Вардесанова. Богатые дарования природные, постоянная возвышенность духа Ефремова, неистощимо обильное чувство, навык представлять свою мысль в светлых и выразительных образах, то же чистое наречие, на котором писал Вардесан,— все это обещало успех предприятию. Остальное довершит сила истины и дух благодати, изливавшийся во всех словах святого поэта.

Сколь ни тяжело, сколь ни оскорбительно было для святого чувства строгого инока знакомиться с хульными мнениями лжеучителя и читать в его песнях грубые изображения сладострастной фантазии, но Ефрем не отрекся от горького труда, чтобы тем вернее поразить своего противника. «Я нашел,— говорит он в одном из своих песнопений,— книгу Вардесана и смущен был на время скорбию, потому что она осквернила мой слух и сердце зловонием своих хулений. Я слышал в стихах его хулы, и в его чтениях злословия... Для рассеяния мрака заблуждений, которые раздавались у меня в ушах, я обратился к Священному Писанию». Вардесан не отвергал ни Ветхозаветных, ни Новозаветных книг Писания, потому Ефрем в своих песнопениях находил достаточным изложить только чистое учение слова Божия о Боге и Его отношениях к нам, чтобы обличить суемудрие и лжетолкования еретика. Воодушевленный ревностью к истине, он смело предает позору и проклятию тайны мнимой мудрости Вардесановой и от скопищ еретических призывает в недра Церкви — хранительницы чистого учения. «Мы не полагаем упования нашего в семи (планетах), в которые верует Вардесан,— говорит Ефрем в одном из своих песнопений.— Да будет проклят, кто будет говорить, как Вардесан говорил, что от них исходят дожди и роса, снег и голодь^[1], семена и плоды земледельцам, что от них голод и изобилие, лето и зима. Да будет анафема тот, кто отверг твердое упование на Господа, усвоит всемогущество семи (планетам) и на них полагает упование. Да будет проклят читающий Писания и противоречащий им, читающий апостолов и противящийся их учению. Блаженна ты, Церковь верных, ибо Царь царей утвердил в тебе Свое жилище. Твои основания никогда не поколеблются, ибо Господь страж твой; и врата ада не одолеют тебя, и хищные волки не могут сокрушить или ослабить твоей крепости. О как велик ты, дом Божий! Как ты прекрасен! Как великолепна ты, дочь народов».

Так как лжеучение Вардесана в некоторых пунктах сходилось с еретическими мнениями Маркиона и Манеса, то часто Ефрем, опровергая одного, касался, вместе, и других. Так, например, когда говорил против вечного существования материи, против учения о причине зла в материи, о раздроблении Божества на эоны.

Оружие, избранное Ефремом для поражения ересей гностических, оказалось верно. Народ с жадностью внимал песнопениям святого отшельника и забывал песни Вардесана. Потому Ефрем употребил то же оружие и против новых лжеучений, распространившихся в четвертом столетии. Под покровительством Констанция многие престолы епископские на Востоке были заняты арианами. Лжеучители, восставшие против Божества Иисуса Христа, дошли наконец до такого безумия, что самое Божество не считали для себя непостижимым. С гордым презрением к смиренной вере, которая не дерзает переступить за указанные человеку пределы, они утверждали, что, признавая существо Божие, а равно

и образ рождения Сына от Отца неведомым, нельзя именоваться и христианами. «Вы не знаете, кому кланяетесь»,– говорили они в упрек верующим. Провозвестниками таких ложных и вредных начал были Аетий и ученик его Евномий. Сверх того, господство ариан на Востоке сопровождалось множеством разделений и распрей церковных. Все это отвлекало внимание от предметов, касающихся жизни христианской, и святое дело – благоговейное размышление о тайнах Божественных – часто обращалось в предмет праздного, а иногда и нечестивого суесловия.

С горестию сердца смотрел на такое несчастное положение дел преподобный Ефрем; с пламенной молитвою обращался он к Господу, чтобы умиротворил Свою Церковь. А чтобы заразительная болезнь, свирепствовавшая в Сирии, не коснулась и его страны, он дал в своих песнопениях предохранительное и, вместе, целебное против нее врачевство! Оплакивая бедственное состояние Церкви, он говорил: «Призванные в Церковь спорят и пред лицом Истины обращаются к праздным вопросам; зависть и ревность ожесточили людей; в бешенстве они поражают друг друга; но и звери хранили мир в ковчеге (Ноевом)! Под предлогом защищения истины напрягают лук, метают стрелы; страсть к прениям и ссорам стала колчаном, всегда готовым давать стрелы сражающимся. Лукавый враг посмеялся над простотою и неопытною; отведши людей от истинного учения, запутал их неразрешимыми вопросами; возбудил в них стремление к недоступному для них знанию, чтоб отвлечь от дозволенного занятия полезным учением. Занимаются Писанием, но не для того, чтобы, читая, преспевать в благочестии, а для того, чтобы свободнее проповедовать свои заблуждения и быть искуснее в спорах. Неразумные люди удалились от столпов путевказательных и, чтобы блуждать беспрепятственнее, обратились в дебри и пустыни. Но только тому дано будет узреть Царя и получить от Него воздаяние, кто верно будет идти путем царским». Неоднократно в подтверждение своих обличений Ефрем указывал на грозные суды Божии – губительные нападения персов. «Дело ясно – сами видите, как наказывает нас Бог посредством нечестивых,– говорит он в одном из своих песнопений.– Вместо того, чтобы быть пшеницею, мы стали пылью,– и вот внезапный сильный ветер от Востока развеял нас. Мы не искали убежища в едином убежище спасения; и нас не спасли самые укрепленные города. Наши пастыри из суетной славы стремились к высшим степеням,– и вот они лежат поверженные на земле или отводятся в страну магов».

Особенно Ефрем восставал против дерзких покушений суемудрия – постигнуть непостижимое. Бесконечность Божества и ограниченность ума человеческого, тайны мира духовного и тайны природы видимой, свидетельство слова Божия и голос собственного сознания каждого – все приводит он к тому, чтобы уверить в безрассудстве тех, которые усваивают себе или мечтают приобрести знание сокровенного существа Божия. «Спроси мудрых и взвесь внимательно слово их: есть у человека другая душа – вера (а не знание). Тело оживляется духом, а дух верую: без веры он труп».

Не довольствуясь сим, Ефрем внес в свои песни духовные и разрешение обыкновенных возражений ариан против учения о Божестве Иисуса Христа. «Мудрый исследователь,– говорит он в одном месте,– умеет восстановить согласие между такими местами Писаний, которые людям безрассудным кажутся противоречащими; соединяет их, своим

разумением соглашая разногласное, и водворяет мир между раздраженными слушателями». И сам выполнил сей долг.

Как глубоко действовали наставления ревностного защитника Православия на жителей Едессы, об этом всего лучше может рассказать следующее событие, засвидетельствованное историками Церкви. Когда Валент, покровительствовавший арианам, изгнал из Едессы православного епископа Варсу (373 г.), тогда православные отреклись от всякого с ним общения и учреждали свои молитвенные собрания за городом. Вскоре прибыл в Едессу Валент и приказал префекту претории Модесту разогнать их в случае нужды даже оружием. Но когда Модест отправился для исполнения такого повеления, ему перебежала дорогу одна женщина с младенцем на руках. «Куда спешишь ты?» – спросил ее префект. «Я узнала,– отвечала женщина,– о замыслах ваших против рабов Божиих, и потому спешу к своим единоверцам, чтобы вместе с ними принять от вас смерть». «Зачем же с тобою ребенок?» – спросил ее еще Модест. «Для того, чтобы и он был участником вожделенной смерти»,– сказала ревнительница веры. Такой ответ слабой женщины ясно показывал, чего можно ожидать от прочих сынов Церкви Православной. Модест немедленно донес о том Валенту, и приказание было остановлено: Валент повелел только сослать в заточение до восьмидесяти восьми человек из клира едесского. Такою твердостью в исповедании Православной веры и готовностью умереть за нее жители Едессы, без сомнения, много были обязаны живому одушевлению песнопений пророка Сирского.

В некоторых песнопениях преподобный Ефрем касается и других лжеучений, возникавших в Церкви, но по большей части мимоходом. К числу таких принадлежат заблуждения Аудия и мессалиян. Аудий (по-сирски Удо) сделался известным в Месопотамии (около 340 г.) как лжеучитель по своим антропоморфическим представлениям о Божестве. Грубо понимая слова Писания о первом человеке, созданном по образу и подобию Божию, и опираясь на те места священных книг, где человекообразно приписываются Божеству члены тела и действия человеческие, он утверждал, что и Бог имеет тело. Можно думать, что одно из песнопений преподобного Ефрема, где объясняется библейский, человекоподобный образ выражения о Божестве, направлено было к рассеянию сего заблуждения, хотя здесь и не встречается имя Аудия. «Восхвалим,– говорит он,– Того, Кто усвоил Себе именование наших членов: ушей – чтобы знали, что Он слышит нас; очей – чтобы знали о Его пребывании с нами и умели смотреть за собою»,– и так далее.

Заблуждение Аудия хотя и грубо, но не столько могло быть опасно, сколько лжеучение мессалиян, или евхитов. Их мнимо духовное направление вело к разрушению существенных оснований Церкви. Отвергая силу таинства крещения, они приписывали освобождение человека от духа злого единственно молитве внутренней; в ней только находили средство к привлечению Духа Святаго в человека; облагодетельствованному таким образом усвоили полную свободу от греха и от всех подвигов борьбы с грехом, созерцание Божества и ведение будущего. Такие вредные мнения проповедовали в Едессе Аделфий, Евстафий и другие. Преподобный Ефрем укоряет мессалиян в праздности и развращении; все исследования о мессалиянах, какие производились потом на Соборах в Малой Азии и Сирии, совершенно оправдывают такой отзыв. Мнимые «молитвенники» не

хотели заниматься никаким трудом, и праздность с ложным убеждением в своей святости приводила их к разным порокам. Но невероятно, чтобы ревнитель истины удовлетворился одним только кратким упоминанием о них и не позаботился противопоставить злу более крепкий оплот. Может быть, вредные мнения, прикрываемые благовидным уважением к молитве, равно как и другие заблуждения еретические, врачевались заботливостью Ефрема дать ей верное направление и усилить молитву собственно церковную.

Как святители Василий Великий в Кесарии и Иоанн Златоустый в Константинополе, соображаясь с потребностями времени, устроили богослужение церковное, так преподобный Ефрем в Едессе. Он не коснулся Литургии, как те святители, может быть, потому, что был простым иноком. Но он обогатил прочие части богослужения церковного своими песнопениями. По свидетельству сирского жизнеописателя, он написал для своей Церкви стихами песнопения на дни великих праздников Господних, как то: Рождества, Крещения, Страдания, Воскресения и Вознесения Христова, и в прославление других дел домостроительства нашего спасения; также на дни мучеников, о покаянии и на погребение умерших. В сих песнопениях ясно раскрывалось значение воспоминаемых событий и отношение их к нашему спасению и таким образом отражались ложные мудрования еретиков.

Чтобы более расположить жителей Едессы к посещению храмов, для которых назначались сии песнопения, преподобный Ефрем призвал к их пению дев, посвятивших себя Богу, и сам обучал их напевам, по которым надлежало петь. Его предприятие увенчалось успехом. Увлеченные заблуждениями еретическими начали оставлять свои сборища и посещать церковные собрания.

Так ревностный инок поражал врагов истины и приобретал Церкви послушных чад веры! Когда дело шло о пользе Церкви, он не оставлял без внимания никаких ее требований. Вардесан препирался с астрологами халдейскими. Его труд во многом заслуживал одобрения; он скоро сделался известным на греческом языке, и словами его пользовались учителя Церкви для опровержения того же заблуждения. Но суеверие еще держалось. Преподобный Ефрем в десяти песнопениях представил нелепость учения, которым отрицалась нравственная свобода человека и вся судьба его подчинялась влиянию звезд. Примечая в иудеях надежду на восстановление святилища в Иерусалиме и возвращение рассеянных чад Израиля в свою землю, может быть, в то время, когда начал благоприятствовать им враг христианства – Юлиан, преподобный Ефрем обширным стихотворением на день Входа Иисуса Христа в Иерусалим напомнил им о древних пророчествах, которые возвещали пришествие Царя Израилева и, исполнившись на Иисусе Назарянине, не оставляли места ожиданиям иного Избавителя. Своею борьбою с заблуждениями разного рода преподобный Ефрем наконец до того раздражил противников истины, что один раз, вооружившись камнями, они напали на него среди города и оставили его едва живым. Но это не помешало ревностному проповеднику истины, удалившись в свою пещеру, оттуда поражать их обличительным словом.

Желая оставить своей Церкви и после кончины своей живых проповедников истины, преподобный Ефрем собрал к себе учеников, которых наставлял своим примером и словом. Из числа сих учеников известны: Зиновий, диакон Едесской Церкви, Симеон,

Мара Агелийский, Авраам, Исаак, Балей и другие. Они занимались изъяснением Священного Писания и подражали своему наставнику в стихотворных произведениях. Училище едесское, основанное Ефремом, долгое время процветало и после его кончины, доставляя образование не только своей стране, но и христианам Персии и Армении.

Так слава Церкви Едесской неразрывно соединена с славою имени Ефрема! Едесса была одним из тех городов, которых благочестие не поколебалось и при Юлиане отступнике. Во время похода своего против персов, проходя через Месопотамию, он оставил слева этот город, как цветущий благочестием. Однако же он не утерпел, чтобы не выразить жителям Едессы всей ненависти своей к их благочестию, когда представился к тому случай. Последователи Валентина, вероятно из школы Вардесановой, принесли ему жалобу на оскорбление от христиан едесских. Юлиан, пользуясь этим случаем, приказал отобрать у Церкви Едесской сокровища, а недвижимую собственность, ей принадлежавшую, отписать на себя. При этом он не позабыл присвокупить обыкновенной своей насмешки над блаженством нищеты евангельской.

Сколь ни были очевидны духовные дарования Ефрема, его подвиги иноческие и его заслуги для Церкви, но, считая себя меньшим всех, Ефрем желал видеть великих пустынножителей Египта, откуда распространилось монашество повсюду, и посетить великого архипастыря Каппадокийского Василия, заботы которого об умиротворении Церквей Восточных касались и Месопотамии. Ревнители благочестия находили в перенесении трудов и опасностей странствования – подвиг, а в беседах и жизни мужей опытных – назидание. Вот почему Василий Великий посещал пустынников египетских, равно как и живших в Палестине, Келесирии и Месопотамии, когда сам решился посвятить себя жизни иноческой. И в своем благочестивом странствовании, как сам писал, он много везде находил людей, которые самым делом показывали, что носят в теле своем мертвость Иисуса. С таким же намерением отправился в Египет и преподобный Ефрем, уже после многих лет строгого подвижничества в Низибии и Едессе. Взяв с собою ученика, умеющего говорить по-гречески, он достиг берегов Средиземного моря и сел на корабль. Молитва и упование на силу Божию избавили его и плывших с ним от опасности потопления. Гора Нитрийская приняла его как давно ожидаемого гостя. Сирский жизнеописатель упоминает о свидании здесь преподобного Ефрема с богоизбранным иноком Паисием, а египетский жизнеописатель преподобного Паисия, Иоанн Колов, сам бывший несколько времени его сподвижником, описывает сие свидание, не именуя сирского посетителя, но так его живописуя, что нельзя не узнать в нем Ефрема. Передадим сей рассказ вполне.

В Сирии жил один великий между подвижниками отец, украшенный различными добродетелями. Однажды во время молитвы пришла ему мысль: кому из угодивших Богу он подобен? Занятый сею мыслию, он слышит Божественный голос, который говорит ему: «Иди в Египет; там найдешь человека, по имени Паисий, который имеет подобно тебе смиренномудрие и любовь к Богу». Услышав это, старец немедленно, пренебрегши дальностью расстояния и множеством труда, отправился в путь и с поспешностью пошел из Сирии в Египет. Достигши горы Нитрийской, старец спрашивал, где живет Паисий; и так как имя Паисия было всем известно, то скоро узнал место его жительства. Божественною благодатию возведено было и Паисию о прибытии старца. Встретившись в

пустыне, старцы с любовью обнялись и целовали друг друга целованием святым о Господе. Войдя в келлию Паисиеву и сотворив молитву, они сели. Не зная египетского языка, старец начал беседовать с святым Паисием на сирском языке через переводчика. Египтянин Паисий весьма скорбел о том, что не знал сирского языка, ибо не хотел потерять ни одного полезного слова старца. Возведя очи свои к небу, устремив ум к Богу и из глубины души вздохнув, Паисий сказал: «Сыне Божий, Слове! Дай мне, рабу Твоему, силу понимать слова сего святого старца». Едва сказал он это в уме своем, как тотчас стал понимать сирскую беседу старца и сам, научаемый Духом Божиим, начал говорить сирским языком. После сего старцы наслаждались богодухновенною беседою между собою без переводчика, рассказывая друг другу, что по откровению Божию каждый научился делать и каких кто из них сподобился от Бога дарований. В таких беседах провели они шесть дней, насыщаясь духовною сладостию и веселясь о Боге Спасителе своем. По окончании душеспасительных бесед, когда старец хотел отправиться домой, святой Паисий, созвав всех учеников своих, при нем находившихся, сказал: «Возлюбленные дети! Вот муж преподобный, совершенный в добродетелях, исполненный благодати Святаго Духа! Примите от него благословение и молитву в защищение себя от всех нападений вражеских». По слову святого Паисия, все ученики, сотворив поклон преподобному старцу, начали принимать от него благословение. Старец, помолившись Богу об учениках Паисиевых, а святого Паисия облобызав и всем поклонившись, отправился в свою страну. Вскоре после отшествия его пришел к святому Паисию один брат из числа отшельников. Ученики Паисия сказали ему: «Был у нас здесь человек Божий Сириянин, старец великий между отцами, просвещенный умом и сердцем, душеспасительными словами весьма укрепивший нас; ныне он ушел в свою страну. Если хочешь получить от него благословение, то можешь догнать его, потому что он еще не далеко ушел». Брат сей хотел тотчас же бежать за старцем, но святой Паисий сказал ему: «Не ходи, потому что преподобный несется в свою страну на облаках и прошел уже более восьмидесяти поприщ». Все удивились словам старца и прославили Бога, дивного во святых Своих.

Преподобный Ефрем посещал и других подвижников египетских и оставил по себе память в сердцах их, как о муже богопросвещенном, а сам вынес отсюда для себя и для своих братьев поучительные уроки о жизни и правилах великих подвижников египетских.

На обратном пути из Египта Ефрем вознамерился посетить Кесарию Каппадокийскую, чтобы видеть архиепископа ее Василия. Имя Василия давно уже сделалось известным между врагами и защитниками Православия. Его просвещение, которое посвятил он делу веры Христовой, его книги против Евномия, его управление делами Кесарийской Церкви еще в сане пресвитерском, его старания об умиротворении Церквей Восточных и сношения с епископами Восточными по вступлении на престол архиепископский (370 г.), его дружеские отношения к святому Евсевию, епископу Самосатскому, которого епархия смежна была с Месопотамиею и которого Василий по временам посещал, его строгая подвижническая жизнь, заботливость о распространении монашества в Понте и Каппадокии и правила, им данные инокам,— все это могло возбуждать в Ефреме, также защитнике Православия против ариан, ревнителе мира церковного и строгом иноке, сильное желание видеть великого архипастыря. В то время как прибыл Ефрем в Кесарию, имя Василия покрылось новою славою, когда покровители арианства ни льстивыми

предложениями, ни угрозами, ни прениями не могли поколебать твердости Василия, и сам Валент только в молитвах его искал спасения своему умирающему сыну (в начале 372 г.). Таким образом Василий не только сохранил Каппадокию от влияния арианства, но и сильнее мог действовать к поддержанию Православия в других странах. Уже многие епископы Востока дали ему согласие на то, чтоб войти в сношение с Западными Церквями и просить у них помощи; в том числе были и епископы месопотамские: Варса Едесский, Вит Каррский, Авраам Ватнийский.

Свое свидание с архиепископом Кесарийским Ефрем изобразил потом в похвальной песни Василию, которая могла иметь целию не только прославить его высокие достоинства, но и укрепить в союзе с ним приверженцев Православия, как с мужем богопросвещенным. Заимствуем некоторые черты из сего песнопения.

Первое свидание Ефрема с Василием было в храме. Сравнивая виденное здесь с видением, бывшим апостолу Петру в Иоппии, когда явился ему *сходящ на нъ сосуд некий, яко плащаница велія* (Деян. 10, 11), Ефрем говорит: «Когда Господь умилосердился надо мною, явив милость Свою, услышал я голос: *встань, Ефрем, и яждь* мысленные снеди (???????)».— «Откуда возьму, что ясть мне, Господи?» И сказал мне: «Вот в дому Моем царский *сосуд* (?????????) преподает тебе снеть». Весьма удивившись сказанному, я встал и вступил в храм Всевышнего. Тихо вошедши на церковный двор и с сильным желанием устремив взоры в преддверие, увидел в Святом Святых *сосуд* избранный, светло простертый пред паствою, изукрашенный боголепными словесами; и очи всех были обращены к нему». Василий тогда предлагал поучение. «По окончании наставления извещен он был о мне Духом Святым и, призвав к себе мою худость, спрашивал чрез переводчика, говоря мне: “Ты ли Ефрем, прекрасно преклонивший выю и взявший на себя иго спасительного слова?” И сказал я в ответ: “Я – Ефрем, который сам себе препятствую идти небесною стезей”. Тогда, объяв меня, сей дивный муж напечатлел на мне святое свое лобзание. Предложив и трапезу из снедаемого мудрою, святою и верною его душою – не из тленных приготовленную яств, но наполненную нетленными мыслями. Ибо рассуждал он о том, какими добрыми делами можем мы умилоствити к себе Господа, как отражать нам нашествия грехов, как преграждать входы страстям, как приобрести апостольскую добродетель, как умолишь неподкупного Судию. И я, заплакав, возопил и сказал: “Ты, отче, будь хранителем для меня, расслабленного и ленивого. Ты наставь меня на правую стезю; ты приведи в сокрушение окаменелое сердце мое. Пред тобою поверг меня Бог духов, чтобы ты уврачевал душу мою”».

Вслед за тем Ефрем описывает, как святитель Василий беседовал с ним о страдальческом подвиге сорока севастиийских мучеников и как сия беседа исполнила душу Ефрема ревностию о благочестии. Предоставляя другому времени прославление их страданий и мужества, Ефрем переходит к сравнению собственного подвига Василиева в борьбе против ариан с подвигом мученическим; описывает чудесное исцеление Василием сына Валентова Галата и троекратное сокрушение трости в руке императора, когда хотел он подписать приговор о ссылке Василия в заточение. Понятно, какие чувства должна была внушить такая песнь всем искавшим в Василии опоры своей вере!

Ефрем не говорит, но его жизнеописатели уверяют, что святитель Василий поставил его на степень диакона. А сирский жизнеописатель сверх того говорит, что святитель Василий уже по удалении Ефрема в Едессу присылает туда двух учеников своих с приглашением его на кафедру епископскую и что Ефрем только притворным юродством избавился от сей почести, которой, по смирению, сознавал себя недостойным. Что касается до святителя Василия, то в его желании видеть Ефрема епископом, среди тогдашних смутных обстоятельств, нет причины сомневаться. Известно, сколько затруднений надлежало ему победить, чтобы возвести своего пустыннолюбивого друга Григория на престол епископский; и однако же он достиг своего желания. Распространение арианства повсюду, разделение митрополии Кесарийской и высокие достоинства Ефрема легко могли внушить святителю Василию мысль о предложении ему сана святительского.

Но сколько Ефрем сам уклонялся от всяких почестей, столько сила Божия прославляла преподобного, где он ни являлся. В Египте он исцелил дерзкого арианина, простым заклинанием изгнав из него злого духа, который устами его изрыгал хулы на Сына Божия. В Самосатах, где нужно было Ефрему проходить из Кесарии в Едессу, встретил он при самом входе в город зараженного неправомыслием учителя с толпою юношей. Один из сих учеников, заметив убогого инока, нагло издевался над ним и даже ударил его по лицу. Кроткий Ефрем смиренно удалился. Но вскоре рука дерзкого юноши была уязвлена змеею так, что он умер немедленно. Все увидели, что то было наказание Божие за обиду, недавно причиненную страннику, и, отыскав Ефрема, просили его о помощи. Юноша был возвращен к жизни, и это многих расположило оставить заблуждение.

Возвратившись в Едессу, преподобный Ефрем остаток дней своих хотел провести в уединении. Но Промысл Божий еще раз вызвал его на служение ближним. Жители Едессы страдали в то время от голода. Ефрем слышал вопли изнемогавших под тяжестью жестокого бедствия. Горевшая любовью к ближним душа его не могла спокойно слушать стенаний страждущих, и бедный инок, не имевший у себя ничего, отправился из своего уединения в Едессу в надежде употребить на пользу страждущих единственное средство, которое он имел: силою слова смягчить жестокость богачей, не только не хотевших уделять, но даже и продавать по низкой цене с избытком лежавший у них хлеб. Утешая бедных, он в то же время располагал богатых к милосердию, угрожая им, в случае непокорности, мщением Божиим. «Разве вы не знаете, – говорил он жестокосердым, – что вы богатством своим одолжены Богу? Несчастные, умоляю вас, пощадите свои души. Теперь самое благоприятное для вас время действовать и заслужить Царство Небесное. Теперь самое благоприятное время уничтожить рукописание долгов ваших Богу». Сильное слово всеми уважаемого старца произвело свое действие. Затруднялись только, кому поручить распоряжение вспомоществованием. Ефрем с охотою принял и это на себя. Тогда богачи один за другим приносили деньги и другие стяжания и повергали их к ногам Ефрема. С благодарностию принимая приношения, он раздавал бедным, отовсюду к нему стекавшимся, а для больных и совершенно бесприютных устроил богадельню, в которой несколько благочестивых собратий помогали ему в трудах. И это было последним делом служения Ефремова на пользу ближних. С наступлением плодоносного лета миновало общественное бедствие; тогда Ефрем удалился опять в свою пещеру и не оставлял ее уже до конца своей жизни, которой определено было скоро прекратиться.

Вскоре по возвращении своем из Едессы преподобный Ефрем заболел. Слух об опасной болезни святого старца скоро распространился по окрестностям. Толпы народа устремились к его жилищу, чтобы получить от него последние наставления. Предчувствуя близкую кончину, Ефрем на смертном одре, болезненною рукою написал завещание, в котором оставил нам верное изображение себя.

Оканчивая свое земное поприще, святой старец с дерзновением свидетельствуется Богом пред всеми в чистоте своей веры, в которой желал утвердить и других. «Клянусь,— говорит он в своем завещании,— Снисходившим на гору Синайскую и Вещавшим из камня (Исх. 19, 18; 17, 6); клянусь устами, возопившими: *Елои* (Мк. 15, 34) и приведшими тем в содрогание всю тварь; клянусь Тем, Кто продан Иудою и биен в Иерусалиме, клянусь могуществом Заушенного по ланите и величием Приявшего заплевание; клянусь тремя именами Огня и Единым Божиим существом и Единою волею, что не отделялся я от Церкви и не восставал против Божия всемогущества. Если возвеличивал я в уме своем Отца паче Сына, то да помилует Он меня. Если умалял я Духа Святаго пред Богом, то да покроются тьмою очи мои. Если исповедовал иначе, нежели как говорили, то да ввержен буду во тьму кромешную. Если говорю лицемерно, то да буду вместе со злыми гореть в пламени. Если говорю это из человекоугодия, то да не послушает меня Господь на суде».

В продолжение жизни Ефрем долго боролся с врагами истины Христовой. При конце дней, обозревая труды свои, святой старец упомянул о них, чтобы внушить ученикам своим ту же ревность о сохранении правой веры, какую горела душа его. «Ни днем, ни ночью,— говорил он,— во всю жизнь свою никого не злословил я и с начала бытия своего ни с кем не ссорился; но непрестанно состязался в собраниях с отступниками. Ибо знаете, что и владетель овец бьет своего пса, который, видя, как волк идет в овчарню, не бежит и не лает на него». С горестию он провидел вторжение в стадо Церкви сих губительных волков: его пророчество через три месяца исполнилось. «По смерти моей,— говорит он,— придут к вам злочестивые люди *во одеждах овчих, внутрь же волцы хищницы* (Мф. 7, 15). Сладки речи их, но наклонности сердца их полны горечи; добры они по наружности, но происходят от сатаны. Бегайте их и учения их и не приближайтесь к ним. Не отступайте от веры моей и не преступайте слова моего».

С особенною любовью он останавливается мыслию на тех учениках своих, которых вера, просвещение и жизнь подавали ему надежду на их верность истине и благоуспешную деятельность. И вся душа его возмущается, когда он припоминает имена изменников истины. Первым преподает он благословение, последних предаёт проклятию. «Симеон,— говорит он одному из верных своих учеников,— Бог да услышит тебя; в какой ни придешь град, да исполнишь там Церковь, как чашу». Другому говорит: «Слово твое да будет, как огонь, и да потребит терния ересей; как пламень в лесу, да поपालит их слово учения твоего; как Давид, побеждай и низлагай сынов заблуждения вместо Голиафа».

Уверенный, что любовь к нему едесских жителей не преминет обнаружиться в богатых приношениях для его погребения, Ефрем, ничего не требуя для себя, все обращает в пользу бедных. Он говорит окружающим его: «Принесите, что обещались вы, и положите с братом вашим; принесите и положите предо мною, чтобы сам я, пока остается у меня несколько памяти, назначил тому цену... и пусть это роздано будет бедным, нищим и

нуждающимся. И вам будет это на память, и мне на пользу, вас наградит за сие милость Божия, как раздаятелей, а меня, как советника». Нестыжательный инок не хотел обременять себя и по смерти тем, что отвергал при жизни. «Клянусь и вашею и своею жизнью,— говорил он,— у Ефрема не было собственности, не было ни жезла, ни влагалища; потому что слышал я слова Господа: не приобретайте ничего на земле».

Но всего яснее обнаружилось в завещании Ефрема глубокое смирение и сокрушение сердечное, которые были душою его жизни. Отсюда проистекали его последние заповеди, чтобы не погребали его с пышностию, не прославляли его при погребении, не сопровождали его гроб торжественно, но вместо всяких украшений и ублажений старались облегчить его судьбу своими молитвами. «Кто положит меня,— говорил он,— под жертвенником, то да не узрит он Божия жертвенника; потому что смрадной нечистоте неприлично лежать на святом месте. Если кто положит меня во храме, то да не узрит он храма света; потому что суетная слава бесполезна тому, кто не достоин славы. Для чего воздавать почести тому, кто не соблюл своей чести? Не полагайте меня с мучениками, потому что грешен я и ничего не стою: по недостаткам своим боюсь и приближаться к костям их. Кто понесет меня на руках своих, у того руки да покроются проказой, как у Гиезия; но, подъяв меня на рамена, несите как можно скорее и предайте погребению, как презренного; потому что бедственно прошли дни мои. К чему прославлять вам меня, когда посрамлен я пред Господом? К чему ублажать вам меня, когда нет у меня добрых дел? Если бы кто описал вам дела мои, то всякий из вас оплевал бы мне лицо; если бы зловоние грешника ощущали приближающиеся к нему, то все бы убежали от Ефремова смрада... Грешен я — осквернен нечистотою и непотребством, очернен грехами. Какой нет во мне нечистоты? Какого не лежит на мне греха? Все непотребное, все незаконное и скверное есть во мне. Вовсе ничего хорошего не сделано мною во все дни мои, вовсе ничего доброго не совершено с тех пор, как произвели меня на свет родители мои. Ничего не берите у меня на память себе, ибо на память вам есть у вас слышанное вами от Господа нашего. Если возьмете что у Ефрема, то Ефрем будет в ответе. Господь скажет мне: “В тебя более веровали они, нежели в Меня”. Кто со мною во гроб положит шелковую одежду, тот да будет ввержен во тьму кромешную; кто со мною во гроб положит багряницу, тот да будет низринут в геенну огненную. В моей ризе и в кукуле предайте меня земле; потому что убранство неприлично непотребному. Кто понесет предо мною восковую свечу, того да пожжет огонь из внутренности его. К чему огонь тому, кто сожигается собственным своим огнем? Лучше пролейте, братия, слезы свои о мне и о всех, подобных мне. Во грехах и в бесполезной суете провел я дни свои. Не полагайте со мною в гроб ароматов, потому что честь сия для меня бесполезна; не полагайте благовоний, потому что не избавят меня от суда. Ароматы воскурите во святилище, а меня предайте земле с псалмопениями. Вместо того, чтоб расточать благовония и ароматы, вспоминайте меня в молитвах своих. Не полагайте меня в ваших гробницах, потому что ничему не послужат для меня ваши украшения. Я же дал обет Богу, чтобы погребли меня со странниками. Я такой же странник, как и они. С ними положите меня. Положите меня на кладбище, где погребены сокрушенные сердцем». Так высказывалась в последний раз смиренная и сокрушенная душа великого Ефрема.

Спустя месяц по возвращении в свое уединение преподобный Ефрем скончался на руках своих учеников и любивших его едесских жителей. При многочисленном стечении клира,

пустынников и народа тело его было предано земле точно так, как он завещал, и уже несколько времени спустя нетленные останки его перенесены были в храм. По наиболее достоверным свидетельствам, святой Ефрем скончался в июне 373 или 372 года, а родился в начале четвертого столетия, вероятно, в 306 году.

Преподобный Ефрем Сирин. Беседы